

Салахова Рузиля Рашитовна, Гилязетдинова Гелиня Хайретдиновна

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСЕССИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена анализу производных посессивных глаголов татарского языка. В качестве базовых словообразовательных типов были проанализированы глаголы, образованные от имен существительных при помощи суффиксов -лан/-л?н,-ла/-л?, -ра/-р?. Анализ показал, что посессивные глаголы, будучи полифункциональными, сочетают две функции: лексическую и грамматическую, занимая особое место в передаче посессивности. Отмечено, что они являются основными при передаче отношений между объектом и субъектом

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 3(57): в 2-х ч. Ч. 1. С. 166-169. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. **Голубева Т. М.** Гендер и стратегия дискредитации в предвыборном дискурсе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Филология. Искусствоведение». Нижний Новгород, 2008. № 5. С. 255-258.
2. **Куницына Е. В.** Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты (на материале предвыборных речей Х. Клинтон и Б. Обамы): автореф. дисс. ... к. филол. н. Ставрополь, 2011. 22 с.
3. **Туреева Е. С.** Интертекстуальность в аспекте политического дискурса (на примере устных выступлений канцлера ФРГ Ангелы Меркель) // Вестник Амурского государственного университета. 2009. Вып. 44. С. 99-101.
4. **Fairclough N.** *Analysing Discourse – Textual Analysis for Social Research*. N. Y.: Routledge, 2003. 270 p.
5. <http://blogs.wsj.com/washwire/2015/07/13/hillary-clinton-transcript-building-the-growth-and-fairness-economy/> (дата обращения: 20.11.2015).
6. http://globegazette.com/news/iowa/text-of-hillary-clinton-remarks-at-wing-ding/article_3b64810f-b13e-5cd7-9146-c62a572e4677.html (дата обращения: 16.11.2015).
7. <http://time.com/3920332/transcript-full-text-hillary-clinton-campaign-launch/> (дата обращения: 16.11.2015).
8. http://www.nytimes.com/2008/06/07/us/politics/07text-clinton.html?_r=0 (дата обращения: 15.11.2015).
9. <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=110269> (дата обращения: 20.11.2015).
10. <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/12/178368.htm> (дата обращения: 15.11.2015).
11. <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2013/02/203684.htm> (дата обращения: 16.11.2015).
12. **Lauritzen S., Fisker M.** *Power in Discourse: A Critical Discourse Analysis of the Concluding Democratic Presidential Debates 2008* [Электронный ресурс]. URL: http://projekter.aau.dk/projekter/files/18011253/2009-08-03_10.29.28.pdf (дата обращения: 22.10.2015).

INTERTEXTUAL INCLUSIONS IN THE PUBLIC SPEECHES BY HILARY CLINTON

Rybachuk Kseniya Yur'evna
Saint-Petersburg State University
k-beletskaya@inbox.ru

The article examines the realization of intertextuality in public speeches by Hilary Clinton. Special attention is paid to the analysis of the sources of intertextual inclusions, among which are the speeches of socio-political figures, historical documents, the words of ordinary citizens, jokes, proverbs and sayings, the Bible, classical literature, elements of mass culture. The usage of intertextuality is conditioned by the communicative situation and political views of Hilary Clinton.

Key words and phrases: intertextuality; public speech; political discourse; intertextual inclusions; allusion; quotation.

УДК 81/8

Статья посвящена анализу производных посессивных глаголов татарского языка. В качестве базовых словообразовательных типов были проанализированы глаголы, образованные от имен существительных при помощи суффиксов -лан/-лэн,-ла/-лэ, -ра/-рэ. Анализ показал, что посессивные глаголы, будучи полифункциональными, сочетают две функции: лексическую и грамматическую, занимая особое место в передаче посессивности. Отмечено, что они являются основными при передаче отношений между объектом и субъектом

Ключевые слова и фразы: посессивность; посессор; коррелят; глаголы обладания; глаголообразующие суффиксы; словообразование.

Салахова Рузиля Рашитовна, к. филол. н.
Гилязетдинова Гелиня Хайретдиновна, д. филол. н., доцент
 Казанский (Приволжский) федеральный университет
ruzilya5@mail.ru; ggilaz@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОСЕССИВНЫХ ГЛАГОЛОВ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Посессивность – выраженное языковыми средствами отношение между двумя объектами, связанное с идеей обладания одного из них другим. Обладателя принято называть *посессором*, а обладаемое – *коррелятом* посессивного отношения [6, с. 135]. Обычно посессором является человек (или люди), поэтому центральным для посессивного отношения является владение человека каким-либо предметом или, наоборот, принадлежность объекта какому-то лицу.

Категория посессивности, как и категории пространства и времени, может быть отнесена к универсальным категориям, отражающим типовые экстралингвистические отношения обладания. Посессивность может выражаться лексическими, синтаксическими, морфологическими средствами, набор которых для каждого языка индивидуален.

Как и во многих тюркских языках, в татарском языке существуют специальные языковые единицы – предикат существования *бар* / «есть», и предикат отсутствия *юк* / «нет». Помимо этих средств выражения

посессивности, татарский язык располагает категориальными языковыми средствами, к таким относятся, прежде всего, аффиксы принадлежности *китаб-ым* / «моя книга», *китабың* / «твоя книга», разряд притяжательных местоимений, таких как *минеке* / «мой, моя, мое», *синеке* / «твой», изафетные конструкции. Например, в сочетании *баланың уенчыгы* / «игрушка ребенка» предмет определяется по принадлежности, т.е. имя существительное *бала* / «ребенок» выступает в качестве лица – обладателя.

Как отмечает М. Закиев, в предложениях, где при обычном подлежащем в роли сказуемого выступает существительное, местоимение-существительное или другие слова в значении существительного с аффиксом предикативной принадлежности *-ныкы/-неке* сообщается о принадлежности субъекта предмету или лицу, выраженному сказуемым. Например, *Марат этисенеке* / «Марат папин»; *Каләм минеке* / «Карандаш принадлежит мне». Или, например, когда в предложении при обычном подлежащем в роли сказуемого выступает существительное с аффиксом обладания *-лы/-ле*: *Болын печәнле* / «Луг богатый травой»; *Ул атлы* / «Он с конем» [4, с. 77].

Особый интерес представляют для нас посессивные глаголы, так как, по нашему мнению, посессивность – это одно из главных свойств глагола. Для передачи посессивной семантики во многих языках используются глаголы со значением 'иметь', 'обладать'. В татарском языке они образуют так называемую посессивную конструкцию предложения. Так, например, глагол *ал* может передавать как активное, так и пассивное обладание: *китап алу* / «взять, брать книгу»; *хат алу* / «получать письмо». К этой же категории можно отнести и сложные глаголы, образованные при помощи существительного и вспомогательного глагола *ал*, например, *хал алу* / «отдохнуть».

Таким образом, из вышеприведенных примеров, видно, что в татарском языке категория посессивности, помимо категориальных средств, располагает и разнообразными некатегориальными средствами выражения. Речь идет о словообразующих средствах, среди которых особое место занимают словообразующие суффиксы. Например, словообразующий суффикс *-р, -ар, -эр* в глаголах *агар* (от *ак* / «белый») / «становиться белым, побелеть», *күгәр* (от *күк* / «синий») / «становиться синим, посинеть», *яхшыр* (от *яхшы* / «хороший») / «улучшаться», *яңар* (от *яңа* / «новый») / «обновиться» восходит к древнетюркскому глаголу *ирде, ирсэ* / «быть, есть» [9, с. 412].

Глаголообразующий суффикс *-ла/-лә*, который по значению и внешнему оформлению также восходит к вспомогательному глаголу *и* / «быть, есть», и присоединяясь к именам существительным, образует посессивные глаголы с значением «снабжать, наделять что-либо или кого-либо воздействием вещества, обозначенного производящей основой», например, *бүләклә* / «наградить», *жүмлә* / «наживлять», *әнжәлә* / «украшать жемчугом». Косвенно это подтверждается глаголами *ялтыра* / «блестеть» (от образоподражательной единицы *ялтыр*), *мөгрә* / «мычать» (от звукоподражательной единицы *мөг*) (звук, который издают коровы) [7, с. 160]. В приведенных примерах элемент *-ра/-рә* представляет собой результат фонетического развития глагола *и* (*ирсэ, ирде*) / «есть, быть», с помощью которого, были образованы новые глаголы от основ *ялт, мөг*. Превращение вспомогательного глагола *и* (*ирсэ*) / «есть» в суффикс *-ла/-лә* могло произойти путем фонетического преобразования звука *р* в *л* [10, с. 319].

Более подробно рассмотрим словообразующие значения посессивных глаголов, образованных от существительных при помощи суффикса *-лан/-лән*:

1) «приобретать то качество, свойство или признак, обозначенные производящей основой»: *ислән* / «тухнуть» (от ис «запах»), *керлән* / «грязнеть», (от кер «грязь»); 2) «наделяться и обзавестись тем, что обозначено производящей основой»: *гаиллән* / «обзавестись семьей» (от гаилә «семья»), *кораллан* / «вооружиться» (от *корал* / «оружие»). К этому оттенку значения примыкает производный глагол *атлан* / «сесть верхом на лошадь», которое в древности обозначало «займать лошадь, сев на него» [8, с. 21]; 3) «проявлять свойство, качество или признак, которые обозначены производящей основой»: *шатлану* / «радоваться» (от *шат* / «радость»), *моңлану* / «печалиться» (от *моң* / «печаль»), *хыяллану* / «мечтать» (от *хыял* / «мечта»); 4) «образовать то, что обозначено производящей основой», например, *жүмешлән* / «плодиться» (от *жүмеш* / «плод»), *бөрелән* / «образовать почки» (от *бөре* / «почка»).

Структурно-семантический анализ посессивных глаголов, образованных от именных частей речи при помощи суффикса *-лан/-лән*, позволяет обнаружить идиоэтнический характер номинации тех или иных действий. Наряду с относительно эквивалентными по своим структурно-семантическим свойствам лексемами, такими как *бозлану* / «леденеть» (от *боз* / «лед»), *кортлану* / «червиветь» (от *корт* / «червь»), *пеләшиләнү* / «плешеветь» (от *пеләш* / «плешь»), в татарском языке выявляются специфические с идиоматическим значением словообразовательно маркированные номинации [2, с. 33]. На русский язык они передаются производными словами, но образованными совсем от другого корня: *куллану* (от *кул* / «рука») / «пользоваться», *канатлану* (от *канат* / «крыло») / «опериться», *авызлану* (от *авыз* / «рот») / «отведать».

Как видно из примеров, вторая группа лексем, несмотря на четкую словообразовательную структуру и ясный ассоциативный план, выражает специфические словообразовательные значения, являя тем самым область лексической и словообразовательной лакунарности татарского языка.

Таким образом, из приведенных выше примеров видно, что посессивные глаголы в современном татарском языке образуются при помощи суффиксов, которые в древности сами были глаголами. По убеждению В. Арсланова, «Современный аффикс страдательности *-л* в тюркских языках был когда-то лексически полноточным глаголом “*ал*” (брать, получать), который, в сочетании с основами других глаголов, из дальней периферии функционально-семантического поля средств передачи значения страдательности постоянно сместился в ядро, пройдя этапы лексико-грамматических средств. И именно в ядре этого поля глагол *ал* лексически десемантизировался, оставив в себе лишь грамматическое значение, что, в свою очередь, превратило

это слово в агглютинативный аффикс *-л*, передающий подкатегорию страдательного залога (возможно и возвратного) в общей системе категории залога в тюркских языках» [1, с. 244]. Страдательный залог выражает значение процессуального признака, «от другого произведенного» или «страдания какого-либо лица»: *бирелу* / «быть отдаваемым», *сөөлү* / «быть любимым». Исходя из общности в значениях, в страдательный залог включались и некоторые формы с аффиксом возвратного залога *-н*: *алыну* (от *алу* / «взять») / «быть взятым», *сайлану* (от *сайлау* / «избирать») / «быть избираемым» [3, с. 164].

Таким образом, татарский язык образовал морфологический залог по посессивному типу (название действия + *ал*). Все это позволяет сделать вывод, что татарский язык относится к языкам модели *Esse* (лат. *esse* / 'быть'), в которых посессивная конструкция включает глагол-связку «быть» [5, с. 14].

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Семантика посессивных глаголов в татарском языке может выражаться с помощью и словообразовательных и грамматических средств.

К словообразующим средствам относятся глаголообразующие суффиксы, такие как *-р*, *-ар*, *-әр*; *-ла/-лә*; *лан/-лән*.

Для глаголов обладания характерны два типа мотивации: прямая и метафорическая:

1) прямая семантика обладания представлена в чистом виде – «снабжать или наделять тем, что обозначено производящей основой». Например: *кораллан* / «вооружиться» (от *корал* / «оружие»);

2) метафорическая, где семантика обладания присутствует как некий образ. Например: *канатлану* / воодушевиться (от *канат* / «крыло»), а лексическое значение *окрылить* / 'привести в состояние душевного подъема, воодушевить' практически не соотносится со словообразовательным значением. Прямого соотношения с производящим канат «крыло» / 'орган летания у птиц' у данного глагола нет. Следовательно, состояние вдохновения сравнивается с наличием крыльев.

Таким образом, ряд глагольных образований со словообразующими суффиксами имеют индивидуальные метафорические значения, которые в современном языке не вытекают из значений производящих основ.

К грамматическим средствам можно отнести страдательный залог, который выражает значение процессуального признака, «от другого произведенного» или «страдания какого-либо лица»: *бирелу* / «быть отдаваемым», *сөөлү* / «быть любимым».

Подытоживая вышесказанное о посессивных глаголах, можно отметить, что они занимают особое место в передаче посессивности, основное их значение заключается в передаче отношений между объектом и субъектом. Посессивные глаголы являются полифункциональными глаголами, сочетающими две функции: лексическую и грамматическую.

Список литературы

1. Арсланов В. Ш. К вопросу о происхождении аффикса страдательности // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность: труды Междунар. конф.: в 3-х т. Казан, 1992. Т. 1. С. 243-244.
2. Галиева А. М., Замалетдинов Р. Р. Способы выражения мультисубъектности в татарском языке: грамматические и семантические аспекты // Филология и культура. Philologi and Culture. 2015. № 3 (41). С. 32-38.
3. Ганиев Ф. А. Функциональная грамматика татарского языка. Казань, 2015. 272 с.
4. Закиев М. З. Структурные схемы простого татарского предложения // Татарика. 2013. № 1. С. 70-95.
5. Замалетдинов Р. Р., Галиева А. М. Семантика татарских посессивных глаголов с компонентом значения «часть растения» // Филология и культура. Philologi and Culture. 2014. № 3 (37). С. 13-18.
6. Нечаева Е. Ф. Фундаментальные глаголы обладания во французском и русском фразеологизмах // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 8 (15). Ч. 1. С. 134-137.
7. Салахова Р. Р. Ономастопозитивная лексика в татарском языке и способы ее перевода на русский язык (на материале романа А. Абсалямова «Белые цветы») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. I. С. 159-161.
8. Салахова Р. Р. Омнимичные суффиксы в татарском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2004. 24 с.
9. Татарская грамматика: в 3-х т. Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. Т. I. 584 с.
10. Татарская грамматика: в 3-х т. Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. Т. II. Морфология. 397 с.

WORD-FORMATIVE AND SEMANTIC PECULIARITIES OF POSSESSIVE VERBS IN THE TATAR LANGUAGE

Salakhova Ruzilya Rashitovna, Ph. D. in Philology
Gilazetdinova Gelinya Khairatdinovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Kazan (Volga region) Federal University
ruzilya5@mail.ru; ggilaz@mail.ru

The article focuses on analyzing the derivative possessive verbs of the Tatar language. As the basic word-formative types the paper analyzes the verbs formed from the nouns by the suffixes *-лан/-лән*, *-ла/-лә*, *-ра/-рә*. The analysis indicated that possessive verbs, being multifunctional, combine two functions: lexical and grammatical, taking a special role in transferring possessiveness. The authors point out that the mentioned functions are the basic ones while transferring the relations between an object and a subject.

Key words and phrases: possessiveness; possessor; correlate; possessive verbs; verb-formative suffixes; word-formation.

УДК 8

В статье представлены интерпретации частеречной принадлежности междометия В. А. Богородицким и Л. В. Щербой. В процессе анализа выявлено сходство в понимании обоими русскими лингвистами роли данной разновидности слов в формировании человеческого языка. В то же время установлено принципиальное различие подходов В. А. Богородицкого и Л. В. Щербы по вопросу включения междометия в состав частей речи.

Ключевые слова и фразы: междометие; часть речи; частеречный статус; культура; эмоциональные слова; звукоподражание.

Самарин Дмитрий Александрович, к. филол. н.

Байкальский государственный университет (филиал) в г. Якутске
dsamarin2011@yandex.ru

ЧАСТЕРЕЧНЫЙ СТАТУС МЕЖДОМЕТИЯ В ВОЗЗРЕНИЯХ В. А. БОГОРОДИЦКОГО И Л. В. ЩЕРБЫ

Междометие представляет собой часть речи, включающую неизменяемые слова, обычно морфологически неделимые и выступающие в речи как односоставные предложения, служащие для выражения эмоций (радости, удивления, раздражения, боли и т.п.), чувств и других реакций. Неизменяемыми словами являются и звукоподражания, которые своим звуковым составом воспроизводят звуки, издаваемые людьми, животными или предметами. Несмотря на связь со звукоподражаниями, междометия являются отдельной, хотя и очень специфической, частью речи с сигнальной функцией.

Исследованием междометий с давних пор занимаются как отечественные, так и зарубежные лингвисты, но единого мнения об их природе и включении в число частей речи пока нет. Особый интерес представляет интерпретация междометий в грамматических концепциях В. А. Богородицкого (1857-1941) и Л. В. Щербы (1880-1944). На их взгляды повлияли теории Ж.-Ж. Руссо (1712-1778) и Ф. Энгельса (1820-1895), отводившие роль начал языка эмоциональным и трудовым выкрикам. Современник французского философа, историк эпохи Просвещения Ш. де Бросс (1709-1777) утверждал: «Язык ребёнка, прежде чем он смог бы произнести какое-то слово, весь состоит из междометий» [10, р. 228]. Через них дети пытаются выразить свои ощущения. Соответственно, междометия, хотя и не сочетаются с другими частями речи, служат для характеристики действий или ощущений. На примере междометий хорошо видна связь между филогенетической и онтогенетической лингвистикой.

В. А. Богородицкий придерживался культурологического подхода к происхождению языка, связывая его зарождение с эволюцией культуры. Единицами, находившимися у истоков формирования языка, он считал междометия. Очевидно, что в этом вопросе учёный следовал мнению А. А. Потебни (1831-1891). Связывая происхождение языка животных и людей с рефлексом чувств, в книге «Мысль и язык» тот заявлял: «Вообще нельзя себе представить другого источника звукового материала языка» [5, с. 96]. Подобным образом В. А. Богородицкий в «Общем курсе русского грамматик» писал: «Междометия по происхождению представляют собой рефлекторные звуки, вызываемые тем или другим сильным эмоциональным состоянием, напр. чувством боли, радости и т.п., а в последующем развитии языка они становятся словесными восклицательными символами, выражающими эмоции» [4, с. 278]. Эти символы служили для обозначения предметов или явлений реальности, а к аффектам прибавлялись и звуковые подражания.

Аналогичную позицию в вопросе происхождения языка, несомненно, занимал и Л. В. Щерба. Развитие языка он также связывал с ростом культуры. Эту тенденцию отчётливо демонстрирует его статья «О диффузных звуках». В ней учёный писал: «Совершенно естественно думать, что на заре человеческой речи несколько внеязыковых звуковых жестов человека, начинавших употребляться с речевыми намерениями, были сложными артикуляциями (комплексами артикуляций – одновременных и последовательных) и при своей малочисленности не образовывали системы по своим сходствам и различиям друг с другом, а потому, не разлагаясь на звуковые элементы, противопоставались друг другу целиком и являлись, таким образом, “словозвуками”, если можно так выразиться» [8, с. 149]. Под этими звуками имелись в виду эмоциональные символы или междометия. По мере усложнения отношений между людьми происходила дифференциация символов, употреблявшихся в начальный период формирования общества, а также расширялась сфера их употребления. Они постепенно эволюционировали вместе с их создателями.

В. А. Богородицкий диалектически подходил к выделению частей речи. В 11-ой лекции «Морфологический анализ слов в психологическом освещении» он писал: «Прежде всего они группируются в два наиболее крупных раздела: 1) слова, служащие для обозначения умственных представлений и 2) слова эмоциональные» [2, с. 158]. В первый раздел входят 11 частей речи. А к эмоциональным словам относятся междометия. Это неравномерное деление частей речи на две группы, несомненно, находилось под влиянием идей А. А. Потебни, различавшего междометия и собственно слова. Первые из них он относил к сфере выражения чувств: «По тону, язык междометий, подобно мимике, без которой междометие, в отличие от слова, во многих случаях, вовсе не может обойтись, есть единственный язык, понятный всем» [5, с. 91]. Это универсальное качество междометий позволяет противопоставлять их другим частям речи.